

ЕЩЕ НЕИСТОВ бег коней, белая пена — в серую пыль, острые шпоры — в усталые бока, тесные шоры указуют цель, пряча от глаза неуживое сейчас, луговое, яркое дветение жизни. Прыжок, ловкий удар опытной руки фехтовальщика, прогнанные тело скатится на обочину. Но не падает же над поверженным врагом. Или другом. Скорее в бой, да еще — ползающая змея, полкоролевства за полвески французской королевы, опроченные подернинею юю английскому герцогу. Ствки непоравно высоки: полкоролевства — это весть тысяч человеческих жидней? Зачем? — впервые задумывается не склонный к размышлениям Портоз. Но еще суров взгляд Д'Артаньяна, еще неостоловано крутятся бешеная вертушка из жизни лихих мушкетеров.

Сейчас трудно сказать, кто прицмал эту «вертушку». Может быть, принадлежала она главному Юрию Копылову, когда экономными шагами вымерал тесное пространство их первой, «малой» сныи в подвале обдмратеатра? Или, быть может, Станислав Шавловский, главный художник, с первых слов, как всегда, угадал настроение гаврежа? Угадать, впрочем, было нетрудно. Тут две причины.

Взаимопонимание — причина первая. А вторая, она в том, что гадая не гадая, а гавреж и в этом, достаточно легком, авантюрном материале будет непременно искать полноту выражения. Будет бесконечно «расширяться» и «углублять» Дома.

Прежде чем Портоз задает себе вопрос: «Зачем?» — на него будут отвечать и Шавловский и Кузнецов, и актеры. Но раньше всех Копылов, разумеется. Пять лет театру, и пять лет личным, и серьезным, и шутливым укором гаврежу. Да, его хвалит. Да, восхищаются его неожиданными спектаклями. Но при этом почти дежурно: «Знаете ли, вы и здесь несколько уходите от твоевской тематики...» От «тематичности», если ограничиваются ее понимание рамками детского утренника, оно действительно уходит. Уходит... и ведет с собой зрителя. И помнит, видит, как замирает подросток, удивившись остановившемуся посреди бешеной скачки Д'Артаньяну. В детском театре, точнее, в театру юного зрителя, — тут все так же, как и в любом взрослом: или развалекать, или учесть дурака.

Как-то так получается, что Копылов всегда выбирает второе. Забавным покажется, может быть, неуверенный отзыв семиклассника, увидевшей в ТЮЗе шекспировскую пьесу «Троил и Крессиде»: «Это — анти-Ромео и анти-Джульетта... Троил хочет любить, но не может, потому что вокруг него предательство, купля-продажа... продается здесь все, и любовь тоже... Сможет ли Троил устоять? Для меня это самое важное. Не знаю, правильно ли я думаю».

Семиклассница не знала, что правильно думать об этом спектакле действительно трудно, недаром «Троил и Крессиде» практически не ставилась в театрах страны из-за сложности сюжета и содержания. Она не знала, а потому думала смело и правильно в свои тринадцать «твоевских» лет. В этом — подтверждение одного из главных принципов Копылова. Он странно не любит самое выражение — в упрощенной форме: «В упрощенной форме», — стало быть, рассчитанное на якобы бездумного зрителя. Но разве дети бездумны? Есть прекрасные режиссеры, излюбленный зрительский

возраст которых — дошкольный. Копылов работает на подостровке».

Бешено крутятся «вертушка», неутомимо выбрасывая твоих друзей из круга. Ставая в стремя салог, скрестив шпаги с врагом, не забудь поглядеть друзей. И жди, не теряя надежды, и дожидись продолжения, ответа, поддержки. Прыжок, удар... И все уже ничто не отстоит и не вернется в круг, и неистовый раскочен впервые познает знающее одиночество: один — за всех...

Придумано было красиво, если не больше: не так ли, собственно, было порой и у него? Жизнь входила в спектакли медленно, и казалось временами, что не подыять взойти на себя тяжести, что не понимают и не поймут, и по нижним карнизу полуобвала-полутеатра начинало гулять отчаяние словечко «кризис»...

самостоятельных и достойных друг друга стихий, режиссера и актера, собственно, и обаяло рождается неожиданно. Так было с Лепой Успенской почти в каждой ее роли. Она играла Жанну д'Арк в одноименном спектакле. Главреж жестко, настойчиво требовал трагических красок: Жанна с минуты на минуту поднимется на костер, идет суд, идет расправа в геронии... уймабает! Лепя стоила на своем: Жанна молода, Жанна счастлива, она находит в себе силу, одухотворенную, великую силу быть счастливой и в последние минуты, иначе как бы эта девочка смогла подняться за собой страну?..

И непокорство, и твердость, и мастерство — росло, выпирало из студииной, развешенной неразрабериж первых лет жизни театра. В ту пору не считалось грехом «отвечить» что-нибудь на сцене —

новичкам, выхватывает из общей массы «самых-самых». И... покинувший театр два хороших актера — и спектакль, с расчетом на них и ставившийся, будто потерял стержень. Вот когда оказались уместными и понятными грозные предостережения главного режиссера: «Срочно замени... Тактика тут, как правило, одна: умудренный опытом режиссер вперед не станет брать сложные пьесы».

А Копылов? А Копылов именно тогда и остается из труднейшую пьесу «Троил и Крессиде»... Сейчас, как никогда, главный режиссер надеялся на свою методу: терпеливо и мучительно отработывать образ до четкости.

Недавний отчет ТЮЗа перед городом и областью по случаю своего пятилетия — свидетельство пусть пока и не определенное до конца, но крепнущей стабильности

НЕ ЗАБУДЬ ПОЗВАТЬ ДРУЗЕЙ

Заметки о творческом поиске Орловского ТЮЗа

Кризис — это когда человек за всех, а в ответ все — молчаливо.

ВЗЯВ С СОВОЮ патизиать близких по духу людей, Копылов пять лет назад переехал в Орел из Красноярска. Актеры полюбились опытные, условия — простые: начинать все с нуля. Знаний своего театр еще не имел, да и самого театра не было. Для начала им отдали на время (предполагалось, что речь идет о нескольких месяцах) докольные помещения в новом здании драмы. Место, зато скандальное, тесное, но свое! Актеры авкатали рукава. Режиссер устанавливал психологический контакт с авведующим строивой. Художник рисовал в своем воображении «варианты с лесом», нет, не тем, что «растет» прямо из пола и придает сцене пространственную перспективу, а тем, что пилит и прибавляет, а прежде — достают. Но «создания свой театр!» С той поры, кажется, и пошло это копыловское словечко: «создай свой театр, создадим еще пару выходов для зрителя!». Слово прижилось и в ходу до сих пор. Наверное, потому, что они действительно создавали театр, и у авчала его действительно стояли создатели.

Из того времени осталось самое важное, конечно. Пригласившись. Приглажались Дмитрий Евстафьев, Дим Димчик, словно бы медленные, но со скройтой яркой энергией упрямый человек, с первых же ролей стал «падошколь-выручалочкой». И в последнем спектакле, «Троиле и Крессиде», не уронил себя в общественном мизини: в несколько недель вошел в роль Ахилла, да так, что без неожиданно коварной, замедленной улыбки этого античного героя спектакль и представлять себя не стал. Владимир Кушарев — еще один характер. В жизни будто бы весь соткан из игры и парадоксов: «Мой дом — твою крепость», «У тебя остается ровно столько, сколько ты отдал». На сцене же — удивительной правды образы трагических шекспировских шутов, сделанные из жестов, движений, хохота. Копылов не был бы самим собой, если бы слепо следовал одним лишь «методам». На стыке двух неистовых,

твеще именовалось умным словом «импровизация». Только много позже они постигнули, сколь многое это слово может означать. А тогда строили — в уедини слова, авкаждали глосиды — и репетировали.

Но все это, разумеется, не могло продолжаться бесконечно. Сказание «зачем», предопределяющее в руках Копылова судьбу драматургических текстос, неминуемо срабатывало и в самом организме театра. Еще крутились весело колесики безмятежной радости любителей просто покричать и побегать, а уже крепко, уходило вверх, просило иного мастерства лидеров. Жадный, по выражению Кушарева, зверь творчества требовал иной пищи — к этому, собственно, и приучал их Копылов. Он решительно, жестко толкал вперед.

Он же тогда, в ситуации едва обобщавшегося расхождения, нашел в себе мужество первым проанонсировать «кризис». Актеры, да и сам главный, это слово не знали как слово круты, а кризис — штука опасная. За кем или рылок вверх, на выток вытсе. Или — развал, конец театру...

Так что же, новый виток — или?

ПЕРВЫМ, ВИДИМО, понял, что надо выбирать, молодой актер, делвший до той поры поровну свою любовь между театром и... автомобилем. В самом деле, когда обустраивались, его умение и любовь были как раз к месту. С переходом же прошлой весной на большую сцену отремонтированного театра потребовалась определенность. Надо было решать. И он решил. На московских гастролях, первых в жизни театру, шумных, успешных, счастливых. Жена Шатохина еще бегал «Колонистки», а вернулись как домой — и точка. Прочно, насосем selv за культ ТЮЗского микровавтобуса.

Гастроли словно бы встрянули театр. Вурлявшая до сего момента энергия, не знавшая себе ни твердой цены, ни точного имени, была зафиксирована, проанализирована, занесена в соответствующие «реестры». Словом, пришло признание...

Отсюда и происходит зачастую, что взгляд маститых профессионалов, авдежарившихся на подвоящих надежду

театра. Спектакли — среди них и последний, самый трудный, «Троил и Крессиде» — выстроены твердой режиссерской рукой, но и уже там и здесь авсыкивают огоньки быденных самим актерами неожиданных примет человеческих характеров, складываются, накапливаясь плетью новые образы...

И так — пять лет. И так — двадцать семь спектаклей: больше, чем пять спектаклей в год. Много ли, мало ли, но это — норма...

ВСЕ ПРОХОДИТ, говорили древние. И кризисы проходят тоже. Копылов видит ясную перспективу: большая сцена в ближайшие годы должна максимально уточнить отношения с классикой. Что именно будут ставить? Может быть, Сервантесе. Вполне возможно, Достоевского. Вероятно, Тургенева. А «тематика»? Не выйдет ли ТЮЗ за пределы «ему дозволенного»?

Выйдет. Обязательно выйдет. Но на этот случай у Копылова есть еще одна идея: спектакли ТЮЗа — «идеальными быть универсальными для всех возрастов. Для детей, подростков, юношей и лиц наставкой. Каждый «снимает» свой пласт, как, например, в «Неистовом раскочен». Кстати, «вертушка», составляющая центр этого спектакля, — самая обыкновенная детская карусель, но с конскими настоящими селлами. Находка действительно идеальная. Недаром, очевидно, собирается на «Раскочен» народ самых разных возрастов. Много взрослых, еще больше подростков: одна половина души еще в детстве, она отдает любовь карусельм и цирку, фейерверку фехтовальных боев и поганям. Вторая танется авверх, задвая вопросы и теляя выбор, — одним словом, растет.

...Выйти к рампе. В пустом молчаливом зале разглядеть блеск упяленных гил. Услышать тихую музыку, шорох листьев и трав, разлагаемых и полете лодальши. Стремитель бег театральных коней, вновь скрещены шагми: один — за всех!... Подожди, не торопись покинуть сцену, слышишь, как отвечает кто? Один! — за всех... А все? За одого!

А. АФАНАСЬЕВ.
(На спанск. корп).
Орел.